

Луняк Е. Н.

Русь-Украина и казачество в произведениях Вольтера

Хотя история украинского казачества становилась нередкой темой на страницах произведений французских просветителей, ни один из этих авторов не получил такую популярность и не вызвал такой ажиотаж в Европе, как Вольтер. Одним из первых трудов, где он рассматривал украинское прошлое и деятельность казаков, стала достаточно небольшая по объему «История Карла XII», увидевшая свет в 1731 г. Это произведение было одним из первых исследований Вольтера, или Франсуа-мари Аруе (1694-1778), на историческом поприще. Заметим, что эта книга была переведена и опубликована на русском языке¹.

Исходя из своей концепции, что история непременно должна учить, просветитель избрал фигуру этого шведского короля, чтобы на его примере дать урок всем другим монархам относительно превратности их судьбы, которая может сопровождаться резким переходом от полного обожания и пресмыкательства ко всеобщему осуждению и осмеянию. В то же время своим произведением мыслитель противопоставлял мудрость и ум черствому эгоизму шведского правителя, его слепой ненависти, напыщенности, упрямству и самоуверенности. Замысел написать «Историю Карла XII» появился у Вольтера еще во время его путешествия в Англию (1726-1729)². Философ был искренне восхищен общественным строем этого государства и считал, что залогом его процветания является ограниченность королевской власти, а также много большая демократичность правления, в отличие от абсолютизма во Франции и большинстве других стран Европы.

В основу своего виденья событий Вольтер полагал твердое убеждение, что коронованные особы суть простые люди с коронами на голове, которые в силу обстоятельств очутились при власти, а не Богом предназначенные правители. «История Карла XII» должна была стать своеобразным напоминанием о тех бедах и страданиях, к которым может привести безграничная власть монарха. Позже он заметит с определенной долей симпатии о демократических традициях и свободолюбии украинского казачества. Вместе с тем, будучи убежденным врагом любого насилия, он категорически отрицал войны, считая их бессмысленными. А именно война была главным ремеслом казаков. Разделяя королей на тиранов и благодетелей, Вольтер выделяет категорию завоевателей, которые являются ближе к первым, чем ко вторым. Поэтому очевидным звучит его вывод, что «повелителями, имеющими наибольшее право на бессмертие, являются те, кто сделал какое-то добро людям»³.

¹ Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. СПб, 1999.

² Акимова А. А. Вольтер. М., 1970. С. 84; Соловьев Д. Послесловие переводчика // Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. – СПб, 1999. С. 261-265.

³ Voltaire. *Histoire de Charles XII, roi de Suede*, Paris, 1802, p. 5, 8.

Французский мыслитель постоянно подчеркивает диаметрально противоположность казаков, сохраняющих разбойничьи традиции полуанархического строя, цивилизованным народам Европы. Он отмечает, что украинцы (именно такой термин употреблял сам Вольтер, став одним из пионеров в его использовании), привыкшие к свободной жизни, живут в равенстве, свою власть избирают сами, а при наименьшем несогласии с легкостью убивают избранных ими правителей⁴. Такое отношение к власти, которая по христианскому вероучению имела божественное происхождение и была неприкосновенной, согласно Вольтеру, ярко доказывает, что среди жителей Украины лучше всего сохранились пережитки первобытной демократии, чем в любой другой стране. Одновременно просветитель дает этим фактом предупреждение и другим монархам о том, что их власть преходяща, а восставший народ, доведенный до крайности, является могучей и беспощадной силой. Вспоминая, с какой легкостью казаки Украины меняли своих покровителей (поляков, россиян, шведов), философ показывает, что власть не определяется небесным предопределением, а имеет сугубо человеческую природу и происходит от воли народа. В случаях с казачеством Вольтер импонирует то, что в Украине не народ зависит от власти, а власть покорна народу из страха перед расправой. В то же время не стоит думать, что Вольтер идеализирует свободолюбивое население «страны казаков» и стремится перенести подобный строй в Европу. Напротив, отношение французского мыслителя к подобному варварству четко негативно, а приведенные им факты являются лишь предостережениями о том, что подобное может иметь место и в цивилизованных государствах запада.

Украинские казаки у Вольтера имеют все черты экзотических восточных дикарей. Учитывая негативное отношение последнего к войне и насилию, он не мог положительно оценивать этих прирожденных головорезов, «бандитов», которые никоим образом не были носителями добра и света. Называя запорожцев «наиболее чудаковатым народом, который когда-нибудь существовал на земле», он сравнивает их с флибустьерами и считает, что главным смыслом их жизни являются грабежи и разбой. «Они ничего не боятся, и живут свободными, - пишет историк. - Они бьются до смерти даже за мельчайшую добычу с такой же отвагой, что и Карл XII, распоряжаясь коронами»⁵. Вольтер одним из первых подверг сомнению боевую мощь казачества, которой так увлекались его предшественники. Сравнивая казацкое войско, представлявшееся ему скопищем разбойников и бродяг, с регулярной шведской армией, он отмечает, что «15 тысяч шведов, значили больше, чем 100 тысяч казаков»⁶.

Оставаясь убежденным сторонником просвещенной монархии, Вольтер подводит читателя к мысли, что на троне обязательно должен находиться философ, который, держа в руках бразды правления, заботится в первую очередь об интересах своих подданных. Карл XII явно не подходил для такой роли, куда более близким к ней для Вольтера была личность русского царя, больше заботящегося о своем государстве и народе, чем о себе. Хотя и Петра I он не считает безупречным правителем, подчеркивая его жестокость и своеволие⁷.

⁴ Ibid, p. 171.

⁵ Ibid, p. 171-172.

⁶ Ibid, p. 165.

⁷ Ibid, p. 186; Voltaire. *Oeuvres completes*, t. 24, Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, Kehl, 1784, p. 195.

Большое любопытство в историографическом плане представляет собой экскурс в прошлое казачества, сделанный автором. Это, по существу, сжатый исторический очерк, позволяющий понять взгляды Вольтера на происхождение и деятельность казаков. Именно эти представления оказали важное влияние на европейское виденье Украины. Однако, невзирая на достаточно добросовестное использование разнообразных материалов, Вольтер в этом отношении проявил себя по большей части не как ученый, а скорее, как собиратель исторических анекдотов и их саркастический пересказчик. Истоки казачества он подавал следующим образом: «Это сборище древних русских, поляков и татар (*c'est un ramais d'anciens Russes, Polonais et Tartares*), исповедующее в качестве религии, что-то вроде христианства и занимающееся разбоем»⁸. Рассказывая о Сечи и отмечая закрытый доступ на нее женщинам, он свидетельствует, что вербовку новых бойцов в свои ряды казаки осуществляют, забирая «всех мальчиков в 20-30 лье вокруг, которых выращивают в своих обычаях»⁹. Каждое лето казаки отправляются в грабительский поход, чтобы получить щедрую добычу, «воевать с иной целью, нежели грабить, они считают смешным»¹⁰. В изложении Вольтера запорожские казаки, перешедшие на сторону Карла XII, выставляются жадной до денег, вечно пьяной, недисциплинированной и непокорной вооруженной дикой толпой. Он сообщает, что, взяв 60 тысяч флоринов от Петра I, запорожцы с легкостью изменили своему владельцу и перешли к Карлу XII, а, когда последний просил продемонстрировать их свое умение стрелять из длинных карабинов, те начали стрелять с расстояния в 600 шагов по своим же тыловикам, убивая недавних товарищей¹¹. Последний эпизод является невероятным, выглядит сплошь анекдотически и позволяет понять, насколько далекими от европейской цивилизованности считал мыслитель украинских казаков. Однако именно этот пассаж позволяет автору показать всю глупость шведского короля, который присоединил к своей армии «этих бандитов, прибавив к ним несколько тысяч валахов, проданных ему ханом Малой Татарии»¹². Следовательно, эти ненадежные союзники составили почти половину войска Карла XII, увеличив его численно, но ухудшив качественно, и это сыграло свою роль в поражении под Полтавой.

Очень рельефно представлена в произведении Вольтера личность Мазепы, главного зачинщика трагедии шведов, которого он называет «князем Украины» (*prince de l'Ukraine*). Многолетнее управление беспокойной и мятежной «страной казаков», которая «всегда имела вдохновение быть свободной», по мнению автора, безусловно, свидетельствует об уме и способностях гетмана¹³.

Наверное, наиболее сомнительным вкладом Вольтера во всемирную историографию деятельности Ивана Мазепы стала популяризации амурной легенды о попадании будущего гетмана к украинским казакам. Якобы юный Мазепа стал любовником жены одного старого польского вельможи. Узнав об этой связи, разгневанный муж приказал своим слугам схватить юнца, раздеть его и привязать голого к дикому коню, которого затем выпустили в степь. Именно так, избитый и еле живой Мазепа якобы и попал к казакам. Этот образ стал очень популярным в европейском искусстве XIX в.

⁸ Voltaire. *Histoire de Charles XII...*, p. 171.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid, p. 171-172.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid, p. 172.

¹³ Ibid, p. 163.

Украина и ее прошлое продолжали привлекать внимание Вольтера и в дальнейшем. Так, в своем известном «Опыте об обычаях и духе наций» (1756), подавая очерк всемирной истории от библейских времен до современности, мыслитель делал беглые упоминания об Украине, отождествляемой лишь с казаками.

Плохо ориентируясь в древнерусском периоде и обнаруживая зависимость от российских исторических концепций, популяризируемых некоторыми западными авторами, он, например, делая экскурс в средневековье, Владимира Крестителя называл «великим князем московским» (*un grand – duc ou grand knès de Moscovie, nommé Volodimer*), который начал вводить христианство среди «москвитов»¹⁴. При этом исследователь никоим образом не ставил под сомнение корректность использования таких терминов относительно конца X в. Свою традиционную насмешку над правителями он проявляет касательно данного князя, говоря, что тот изменил веру под давлением своей жены, византийской принцессы. Это отвечало тезису Вольтера, что женщина, больше способным к убеждению, чем мужчинам, присуще «изменять религию королевств»¹⁵. Последний тезис почти в таком же виде будет повторен и в «Истории Российской империи при Петре Великом», правда, там речь будет идти об Ольге¹⁶. Не обошел мыслитель и саркастической оценки первого эпизода франко-русских взаимоотношений – бракосочетания Генриха I с Анной Ярославной, отметив, что «Анна, дочь какого-то Ярослава, неизвестного князя из неизвестной тогда Руси, стала королевой Франции»¹⁷. Вольтер игнорировал при этом исторические реалии, когда влияние упомянутого киевского князя в Европе было значительно мощнее и больше, чем эфемерная власть французского короля.

Глава 189-я «Опыта об обычаях и духе наций», посвященная анализу истории Польши XVII в., по существу, главным образом касается событий в Украине. Вспоминая Хотинскую битву (1621), Вольтер отмечает решающую роль в ней казаков, благодаря которым удалось остановить турецкое нашествие. Относительно Хмельниччины он отмечает, что она была спровоцирована польской шляхтой, которая «стремилась трактовать казаков, как своих вассалов, точнее, как рабов». Возникновение среди казаков протурецкой и промосковской ориентаций спровоцировало раскол между ними и, как следствие, раздел их страны между Московией и Портой. Воздавая должное свободолюбию казаков, ничем не отличающемся от анархии, Вольтер замечает, что в настоящее время они «почти полностью потеряли свою свободу под властью Российской империи, которая, примкнув к культуре в наши дни, жаждет приобщить к ней и их»¹⁸.

Конечно, Украина не была главной темой в кругу интересов просветителя. Но, будучи человеком эрудированным и энциклопедически образованным, Вольтер внимательно собирал и изучал материалы о «стране казаков». Так, 16 декабря 1767 г. в письме к герцогу Этьену-Франсуа де Шуазелю (1719-1785) он писал: «Я был первым, кто писал об этом. Например, об Украине. У нас знали только книгу Боплана, но эта книга написана человеком, благосклонным к по-

¹⁴ Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII*. Avec des notes par M. Beuchot, Paris, 1829, t. 2, p. 47-48.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Voltaire. *Oeuvres complètes*, t. 24, 1784, p. 42.

¹⁷ Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations...*, t. 2, p. 21.

¹⁸ Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations...* t. 4, p. 398-404.

лякам. В это время Украина была при гетмане Хмельницком почти независимым государством»¹⁹.

О знакомстве Вольтера с произведением Боплана свидетельствуют приметные заимствования им у того свидетельств об Украине. Например, при описании Киева Вольтер приводит его другое название «Кизовия (*Kisovie*)», которое видим у Боплана и являющееся, очевидно, ошибкой письма или печати, вспоминает о старинных греческих надписях на руинах храмов и тому подобное²⁰. Но, конечно, прежде всего, просветителя интересовала современная информация о «казацкой стране» в годы Северной войны, которую он старательно собирал из разных источников. Судьбоносное русско-шведское противостояние, переломным моментом которого стала Полтава, и усиление могущества России в начале XVIII в., были одними из ключевых тем общения Вольтера с прусским королем Фридрихом II²¹.

В историческом ракурсе личности Карла XII и Петра I, великих монархов эпохи, сошедшихся в смертельном поединке, продолжали постоянно привлекать внимание мыслителя. В 1748 г. он публикует небольшую работу «Анекдоты о царе Петре Великом», послужившую своеобразным прологом к более основательному труду «Истории Российской империи при Петре Великом». Если первый очерк являл собою лишь короткий сборник забавных эпизодов из жизни российского императора²², то второе произведение было достаточно серьезным научным исследованием, которому Вольтер посвятил много времени (1757-1759). Как известно, инициатива поручить мэтру Просветительства написание биографии Петра I происходила от правительства императрицы Елизаветы Петровны. Сотрудничество русского двора с «королем философов» в данном вопросе хорошо отобрано и исследовано в российской историографии²³.

Предложение заказать написание биографии Петра I Вольтеру принадлежало фавориту царицы Ивану Ивановичу Шувалову (1727-1797), который и

---

¹⁹ Цит. по *Січинський В.* Чужинці про Україну: Вибір з описів подорожей по Україні та інших писань чужинців про Україну за десять століть. К., 1992. С. 152-153.

²⁰ Voltaire. *Oeuvres completes*, t. 24, 1784, p. 42; Guillaume Le Vasseur de Beauplan. *Description d'Ukraine*. Introduction et notes de Iaroslav Lebedynsky, Paris, 2002, p. 33; *Боплан Гійом Левассер де.* Опис України / *Меріме Проспер.* Українські козаки та їхні останні гетьмани; Богдан Хмельницький / Пер. з фр., приміт. та передм. Я. І. Кравця. Львів, 1990. С. 22.

²¹ Frédéric II. *Considération sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand, envoyée en 1737, à Voltaire par le prince royal de Prusse, depuis le roi Frédéric II, et auxquelles on a joint quelques autres pièces intéressantes, tant sur la Russie que pour servir de supplément aux différentes éditions des Oeuvres posthumes du monarque prussien*, Berlin, 1791.

²² Voltaire. *Anecdotes sur le czar Pierre le Grand, Oeuvres de Voltaire*. Avec préfaces, avertissements, notes, etc. Par M. Beuchot. Mélanges, t. III, Paris, 1830, t. 39, p. 77-96.

²³ *Искуль С. Н.* Вольтер. История Российской империи при Петре Великом // *ВИ*. 2001. №8. С. 164-166; *Костышин Д. Н.* Из истории издания книги Вольтера о Петре Великом. Письма графа А. Г. Головкина И. И. Шувалову и Вольтеру // *Исторический архив*. 1993. №4. С. 187-191; *Мезин С. А.* Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // *Историографический сборник*. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 18-53; *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003; *Мезин С. А.* Петр I и Северная война в вольтеровской «Истории Карла XII» // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Саратов, 1999. Вып. 3. Ч. 2. С. 147-159.

прилагал значительные усилия для реализации этого замысла. Избрание именно этого автора для популяризации образа отца императрицы в Европе объяснялся всеобщей известностью Вольтера, его определенным русофильством и симпатиями к Петру, проявленными в предыдущих трудах. Французский просветитель охотно принял данное поручение, отметив, что оно совпадает с его стремлениями, и взялся за работу. Петербург, понимая важность этого сотрудничества и намереваясь получить выгодный для себя продукт, не только поставлял Вольтеру тщательным образом отобранные для написания биографии царя материалы, но и пытался внимательно контролировать весь ход написания этого произведения, посылая замечания и рекомендации и предоставляя автору щедрые субсидии и подарки (например, посланная философу от царицы теплая меховая шуба спровоцировала ряд ироничных выпадов против него). Такая опека отягощала и раздражала писателя, но ему приходилось терпеть.

Для надзора за его трудом был привлечен один из величайших гениев России – Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765), оставивший ряд критических замечаний относительно некомпетентности Вольтера. В частности, российский ученый корил мыслителя за то, что тот называл украинцев католиками, а основателями Киева считал греческих царей²⁴.

Конечно, труд Вольтера имел много исторических, географических и терминологических изъянов, на которые справедливо указывали современники. Не говоря уже о транскрипции местных названий и имен (это всегда было проблемой для французов), за что его упрекал, в частности, Шувалов, и которые, по словам последнего, автор «изуродовал так, как ему нравилось, что их почти невозможно даже опознать»²⁵, можно вспомнить и более серьезные недостатки, отмеченные тогдашней и позднейшей критикой.

Скептически оценивая наработку Вольтера в славистике, русский ученый Михаил Трофимович Каченовский (1775-1842) давал сокрушительную характеристику «Истории Российской империи при Петре Великом»: «Вольтерово предисловие, которое назвал он историческим и критическим, приличнее было бы назвать шутовским... Вольтер на каждом шаге спотыкается, погрешая то в хронологии, то в географии, то в описании не только подробностей, но и главных происшествий; а что всего хуже, он писал не как беспристрастный философ, но как француз, погрязший в предрассудках о невежестве и недостойности русских, которых по его описаниям можно почесть настоящими дикарями»²⁶.

Не вдаваясь в детальный анализ всех несуразностей в произведении Вольтера, поддержим мнение современного российского историка Сергея Алексеевича Мезина, что географическая составляющая его представлений о Российской империи была самым слабым местом в работе²⁷. Для примера приведем не-

²⁴ Ломоносов М. В. Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 359-364.

²⁵ de Staelin J. *Anecdotes originales de Pierre le Grand. Recueillies de la conversation de diverses personnes de distinction de S. Péterbourg & de Moscou par M. de Staelin, member de l'academie imperial de S. Péterbourg.* Ouvrage traduit de l'allemand, Strasbourg-Paris, 1787, p. 313.

²⁶ Каченовский М. Т. История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная Вольтером. Часть первая, книжка 1-я и 2-я в типографии у А. Решетникова // Вестник Европы. Ч. 48. № 21. 1809. С. 61-68.

²⁷ Мезин С. А. Взгляд из Европы... С. 101.

сколько подобных просчетов. По словам Вольтера, форт Святой Елизаветы (современный Кропивницкий-Кировоград) расположен на Днепре²⁸, немного севернее Полтавы возвышается «черета гор»²⁹, а территорию «от Смоленска до Москвы» он не совсем уместно, но в традициях своего времени, называет Белой Русью³⁰. Впрочем, просветитель и сам осознавал свое плохое ознакомление с географией страны, о которой писал, и отмечал отсутствие ее подробных карт³¹.

Невзирая на существенные недостатки, произведение Вольтера следует признать достаточно серьезным для того времени научным исследованием, которое в значительной степени раскрывает его талант, как историка. Мэтр Просветительства не только воздаст должное описанию фактов прошлого, но и формулирует основные принципы историописания в духе новых веяний своей эпохи, которые считал базовыми для каждого исследователя: «Ни одна правда не может быть скрыта»!, «Говорите вечности лишь то, что достойно вечности»!, «История требует освещения философией»!³².

Стремясь улучшить общество и рассматривая каждое свое произведение, как дидактическое пособие для образованной публики, и в первую очередь для монархов, Вольтер с тщательностью подбирал и компоновал факты, чтобы они складывались в логическую цепочку и имели для читателя поучительный характер, подталкивая его к осознанию важности таких ценностей, как мир, добро, справедливость, разум. Именно поэтому он отбрасывал описательную историю, как просто детальный пересказ фактов или банальных истин, а именно такой подход к освещению прошлого, по его мнению, доминировал тогда в историографии. В этом плане можно вспомнить, как Вольтер искал рациональное и полезное объяснение суда и фактического убийства Петром I своего сына Алексея, которое воспринималось актом бессердечным и аморальным. С одной стороны, историк не хотел навредить светлой памяти своего героя, с другой – не мог идти против собственной совести, оттого ему приходилось советоваться по этому поводу с д'Аламбером и Шуваловым. В конце концов, он оправдал это нечеловеческое проявление насилия сомнительным благом государства³³.

Просветитель отстаивал идею, что многие факты вообще подлежат забвению, если они не несут ценности для будущих поколений и ничему не учат. Вместе с тем, демонстрируя незаурядный литературный дар, он пытался заинтересовать читателя, используя большой арсенал словесных приемов, оригинальных мыслей и неожиданных выводов. Особенностью стиля Вольтера являются постоянные метафоры, ирония и сарказм. Для примера приведем несколько фрагментов из его «Истории Российской империи при Петре Великом». Вспоминая о неприятии в Украине шведов и борьбе местного населения против захватчиков, просветитель с грустной иронией констатирует, четко показывая свое негативное отношение к завоевательным походам: «Крестьян, которых удавалось схватить, часто забивали до смерти. Это были, как мы называем, законы войны»³⁴. При этом Вольтер полемизирует с Йораном-Андерсоном Нордбер-

²⁸ Voltaire. *Oeuvres completes*, t. 24, 1784, p. 43.

²⁹ Ibid, p. 187.

³⁰ Ibid, p P. 30.

³¹ Ibid, p P. 184.

³² Ibid, p P. 19-22.

³³ Мезин С. А. Взгляд из Европы... С. 105-106.

³⁴ Voltaire. *Oeuvres completes*, t. 24, 1784, p. 185.

гом (1677-1744), который будучи капелланом Карла XII, а, значит, лицом духовным, не только не осуждал подобного насилия против мирного населения, но и оправдывал его. Философ отмечает: «Но, если крестьян Украины могли свободно вешать крестьяне Остроготии, которых забрали в войско и которые верили, что имеют право зайти так далеко, грабить эту землю, отбирая еду у женщин и детей, то должны ли были благословлять такую справедливость исповедники и капелланы этих украинцев (*les cofesseurs & les chapelains de ces Ukrainiens*)?»³⁵. Опять подчеркнем, что Вольтер был одним из первых, кто начал употреблять в литературе термин «украинцы», ведь до этого население Украины преимущественно обозначалось понятием «казаки», и часто подчеркивалось, что страна имеет одно название, а народ, проживающий здесь, - другое. Одиночное употребление искусственного термина «Козакия (*Cosaquie*)» не закрепилось. Понимая, что не все жители Украины были казаками, Вольтер и использует логический этноним «украинцы», став его популяризатором.

Но наибольшее удовольствие получал автор, глумясь над коронованными персонами. В «Истории Российской империи при Петре Великом», понятно, главным объектом для насмешек стал шведский король. Например, Вольтер саркастически подмечает относительно раненного Карла XII, как после разгрома под Полтавой «был посажен на коня тот герой, который не мог этого сделать в течение всей битвы. Потребность прибавила ему немного сил»³⁶. А комичный эпизод, связанный с переходом запорожцев на сторону этого монарха, могущий рассматриваться, как сплошной анекдот, был использован автором, чтобы подчеркнуть легкомысленность и даже глупость правителя шведов. Вольтер с иронией пишет, как гетман и атаман запорожцев, «эти два варвара», важно встретились и «отправились вместе, приказав нести перед каждым из них конский хвост». Понятно, что здесь имеется в виду бунчук – один из символов власти, который казался французскому философу смешным. Однако, высмеивая варварство казаков через такой странный обычай, он избегает подобного отношения к туркам и полякам, которые также имели традицию ношения бунчука перед военачальниками. Дальше, в освещении Вольтера, для закрепления заключенного соглашения запорожцы поклялись на Евангелии служить Карлу XII, а потом Мазепа устроил для них пир, приказав подавать кушанья на серебряной посуде. Напившись водки и хорошо погуляв, запорожцы отправились к себе, прихватив всю посуду и мебель. Когда распорядитель банкета заметил, что они делают не по-человечески, обиженные запорожцы добились от гетмана выдачи им этого «наглеца», и издевались над ним до тех пор, пока не прикончили ударом ножа в сердце. «Таковыми были новые союзники, которых должен был получить Карл XII», - насмешливо резюмирует автор³⁷.

Если вспомнить бессмысленный эпизод со стрельбой по своим товарищам и потребительское отношение к женщинам из «Истории Карла XII», можно увидеть, что отношение Вольтера к запорожцам было насмешливо пренебрежительным. Не свидетельствует о симпатии к последним и другой псевдофакт, приведенный в «Истории Российской империи при Петре Великом». В соответствии с ним, запорожские казаки ведут относительно женщин, проживающих отдельно,

---

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid, p. 191.

³⁷ Ibid, p. 186-187.

такой неблагоустроенный образ жизни, что «часто брат имеет детей от своей сестры, а отец от своей дочери»³⁸. Оставим этот фрагмент без комментариев.

Немного большее уважение автор высказывал Мазепе, принимая во внимание его ум и способности, однако не обходил возможность поиронизировать и над ним. Здесь можно привести издевку автора над старым гетманом, стоящим на краю могилы, который, вместо того, чтобы подумать о вечном, пускается на такую авантюру, как переход на сторону шведов и начало восстания против царя³⁹.

Возвращаясь к научному аспекту «Истории Российской империи при Петре Великом», необходимо отметить, что при всей склонности к эффектности и анекдотичности Вольтер пытался не выходить за пределы действительности и достоверности, чтобы не превратить историческое исследование в фарс. Можно предположить, что, сознательно утрируя события и деформируя отдельные явления, он пытался выпирать те общественные изъяны, против которых боролся. Лично он постоянно отмечает достоверность своих фактов. Мыслитель выделяет три вида неправды или лжи историка: 1) неправдливость в фактах, 2) неправдливость в портретах и 3) удивительность, сказочность. Именно последний вид он считает наибольшим пороком историописания, который в то же время является наиболее привлекательным. Также Вольтер выделяет два уровня фальсификации истории: несознательную и сознательную. «Бывают исторические ошибки, и бывает историческая неправда! - замечает он. - То, что я называю исторической неправдой, встречается чаще всего. Подхалимство, сатира или безграничная любовь к удивительному вынуждают ее выдумывать. Историк, который, чтобы понравиться влиятельной семье, начинает хвалить тирана и негодяя; или другой, что клеймит память доброго правителя как монстра; или романист, который дает верх своим представлениям перед правдой, - все они не достойны внимания»⁴⁰. Следовательно, по определению Вольтера, сам он мог допускать исторические ошибки, но никогда исторической неправды, поскольку не имел склонности к подхалимству и прогибанию перед властью.

Историческое виденье Украины и ее населения, по-видимому, больше всего раскрывается именно в последнем произведении французского просветителя и позволяет понять его логику, как исследователя прошлого этой страны. Не акцентируя внимания на исторических недоразумениях, рассмотрим в первую очередь его научные взгляды относительно Украины.

В его представлении эти земли, принадлежавшие когда-то древней Скифии, начали колонизироваться греками. Именно последними, по его мнению, был основан Киев. Свидетельством того, что этот город был когда-то византийской колонией, являются вроде бы архаичные греческие надписи на руинах киевских храмов. Эта информация является явным заимствованием от Боплана, который, вполне естественно, кириллические граффити мог воспринять за греческие. Впоследствии, согласно Вольтеру, Киев стал столицей Руси (=России) и «великие князья русские (*grands – ducs de Russie*) имели здесь свою резиденцию в одиннадцатом веке, перед тем как татары вторглись на Русь»⁴¹. Вспомним, что Владимира Крестителя Вольтер считал правителем Московии.

³⁸ Ibid, p. 43.

³⁹ Ibid, p. 178.

⁴⁰ Ibid, p. 19-26.

⁴¹ Ibid, p. 42.

Автор замечает всю сложность понятия «Русь (*Russie*)», отмечая его разделение на отдельные региональные образования, имеющие в названии признак величины или цвета: Великая, Малая, Белая, Черная, Красная. По его словам, разобраться в отличиях этих понятий иностранцу почти невозможно. Заметим, что Украину, или Киевскую землю, автор отождествляет именно с «Малой или Красной Русью», расположившейся по обеим сторонам Днепра⁴².

Интересно, что подобную путаницу в то же время можно увидеть и во французском «Большом историческом словаре» (1740), где отмечается, например, что Галич – «город с хорошей цитаделью и замком в Красной или Черной Руси (*HALITZ, ville, avec une bonne citadelle & une Châtellenie, dans la Russie Rouge ou Noire*)»⁴³.

В то же время обобщающее понятие «Русь», по Вольтеру, полностью логично связывается с Московией. Историк отмечает тенденцию к вытеснению в мировоззрении западных обывателей одним названием другого. «Мы называли когда-то Россию Московией, - пишет он, - поскольку город Москва, столица этой империи, был резиденцией великих князей русских. Сегодня старинное имя России употребляется чаще»⁴⁴. По существу, после времени Вольтера понятие «Московия» окончательно вышло из бытового потребления в Европе, оставаясь лишь термином, которым оперировали историки, или же означая непосредственно регион Подмосковья.

Говоря о происхождении жителей «казацкой страны», Вольтер отмечает: «Украинцы, которых называют казаками, являются соединенным сбродом древних роксолан, сарматов и татар (*Les Ukrainiens qu'on nomme Cosaques sont un ramas d'anciens Roxelans, de Sarmates, de Tartares réunis*)»⁴⁵. Здесь он явно противоречит Боплану, который постоянно подчеркивает принадлежность казаков

⁴² Ibid, p. 30-31, 41.

⁴³ *Le Grand Dictionnaire Historique ou le Mélange curieux de l'histoire sacré et profane, qui contient en abrégé l'histoire fabuleuse des Dieux & des Héros de l'Antiquité Payenne: les vies et les actions remarquables des Patriarches; des Juges; des Rois des Juif; des Papes; des Saints Martyrs & Confesseurs; des Pères de l'Eglise & des Docteurs Orthodoxes; des Evêques; des Cardinaux & autres Prélats célèbres; des Hérésiarques & des Schismatiques; avec leurs Principaux Dogmes; des Empereurs; des Rois; des Princes; & des grands Capitaines; des Auteurs anciens & modernes; des Philosophes; des Inventeurs des Arts, & de ceux qui se sont rendus recommandables en toute sorte de Professions, par leur Science, par leurs Ouvrage, & par quelque action éclatante; l'établissement et le progrès des Ordres Religieux & Militaires; & la Vie de leurs Fondateurs; les Généalogies de plusieurs Familles illustres de France, & d'autres Pays; la Description des Empires, Royaumes, Républiques, Provinces, Villes, Isles, Montagnes, Fleuves, & autres lieux considérables de l'ancienne & nouvelle Géographie: où l'on Remarque la situation, l'étenduë & la qualité du Pays, la Religion, le Gouvernement, les Moeurs & les Coûtumes des Peuples: Où l'on voit les Dignités, les Magistratures ou Titres d'honneur: les Religions & Sectes des Chrétiens, des Juifs & des Payens: Les principaux noms des Arts & des Sciences: Les Actions publiques & solennelles: Les Jeux, les Fêtes, etc. Les Edits & les Loix, dont l'Histoire est curieuse; & autres choses, & Actions remarquables. Avec l'Histoire des Conciles généraux et particuliers sous le nom des lieux où ont été tenus. Le tout enrichi de Remarques, de dissertations & de Recherches curieuses, pour l'éclaircissement des difficultez de l'Histoire, de la Chronologie & de la Géographie. Par Mre LOUIS MORERI, Prêtre, Docteur en Théologie. XVIIIe et dernière édition. Revue, corrigée & augmentée très considérablement. – Amsterdam; Leyden; La Haye; Utrecht, 1740, t. 4. Lettres F-H, p. 15.*

⁴⁴ Voltaire. *Oeuvres complètes*, t. 24, 1784, p. 30.

⁴⁵ Ibid, p. 42.

к русской нации и использует относительно них дефиниции «*Rus*», «*Russiens*»⁴⁶. Подданных царя последний называет «московитами». Однако во времена Вольтера терминологическая ситуация кардинальным образом изменилась. Теперь уже слились понятия «Московия» и «Россия», и, соответственно, «московиты» и «россияне». Было очевидно, что «казаки» коренным образом отличаются от последних и являются отдельной нацией. Однако парадокс заключался в том, что к XVIII в. ее называли тем же названием. Использование этнонима «украинцы» для определения жителей Украины было логическим и обоснованным, поэтому Вольтер употребляет именно этот термин. Примечательно, что в «Истории Карла XII», созданной за тридцать лет до того, запорожских казаков, просветитель называл «сбродом древних русских, поляков и татар (*c'est un ramas d'anciens Russes, Polonais et Tartares*)»⁴⁷. В новом произведении вместо русских появились «роксоланы», а вместо поляков – «сарматы». Мотив такой замены можно объяснить. Поляков часто называли «сарматами», например, в этом контексте можно вспомнить популярную тогда на западе франкоязычную работу Юзефа-Александра Яблоновского (1711-1777) «Империя сарматов, сегодняшнее королевство Польское» (1742)⁴⁸. Выходцев же из Южной Руси часто именовали «роксоланами» (вспомним Роксолану, Станислава Ореховского-Роксолана, Роксоланию на средневековых картах и тому подобное).

Но, если в случае с этими заменами все более-менее понятно, остается загадкой, почему Вольтер вдруг признал украинцев католиками. Именно за это его справедливо упрекал и Ломоносов. Ведь все западные авторы, которые писали о казаках, подчеркивали их принадлежность к «греческой вере». Об эволюции религиозной ситуации в Украине сам просветитель пишет следующее: «Сначала в этой стране были лишь язычники и магометане. Они были крещены в римскую веру, когда служили Польше. Но сейчас они уже являются христианами греческой церкви, с того времени, как сделались подданными России»⁴⁹. Этот пассаж тем удивительнее, ибо в «Опыте об обычаях и духе наций» он сам указывал относительно предпосылок Хмельниччины на то, что «казаки исповедовали греческую религию, и это также было значительной причиной, чтобы сделать их непримиримыми относительно поляков»⁵⁰. Эти факты свидетельствуют, что Вольтер не достаточно хорошо разбирался в прошлом Украины. Также, возможно, отметив неустойчивость казаков в вере и пожертвовав правдивостью ради эффектности, он пытался оттенить факт, какими ненадежными были новые союзники шведов. Следует отметить, что Вольтеру была хорошо известна и история крещения Руси, главную роль в котором сыграли Ольга и Владимир, что он сам не раз подчеркивал⁵¹.

Объективно, именно труды Вольтера, постоянно переиздающиеся значительными тиражами в разных странах, невзирая на их многочисленные погрешности, способствовали популяризации истории казацкой Украины и личности Мазепы, которому этот автор придал черты романтического персонажа. Благо-

⁴⁶ Guillaume Le Vasseur de Beauplan. *Description d'Ukraine*, 2002, p. 38-40, 53, 81, 107, 116.

⁴⁷ Voltaire. *Histoire de Charles XII...*, p. 171.

⁴⁸ Jablonowski J.-A. *L'Empire des Sarmates, aujourd'hui Royaume de Pologne*, Halle, 1742.

⁴⁹ Voltaire. *Oeuvres complètes*, t. 24, 1784, p. 43.

⁵⁰ Voltaire. *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations...*, t. 4, p. 399-400.

⁵¹ Voltaire. *Oeuvres complètes*, t. 24, 1784, p. 68-69; Voltaire. *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations...*, t. 2, p. 47-48.

даря «королю философов» в Европе заговорили об украинцах, как об отдельной нации, используя и собственно этноним «украинцы». С другой стороны, стоит отметить роль Вольтера в замене понятия «Московия» относительно Российской империи на понятие «Русь (Россия)», которое раньше чаще использовалось на западе для определения юго-восточных владений польских королей. Принимая во внимание процессы свертывания государственных основ автономной Украины русским царизмом и постепенной ликвидации казацкого строя, которые приходится именно на время Вольтера, на западе усиливалось любопытство к казакам, как реликту отмирающей эпохи, что предопределяло возникновение новых исторических исследований по этой проблематике. Труды французского просветителя, в которых он касался украинской истории, на длительное время стали в Европе обязательной составляющей любого научного изучения казацкой Украины.

Источники и литература

1. Акимова А. А. Вольтер. М.: Молодая гвардия, 1970. 448 с.
2. Боплан Гійом Левассер де. Опис України / Гійом Левассер де Боплан. Меріме Проспер. Українські козаки та їхні останні гетьмани; Богдан Хмельницький / Проспер Меріме / Пер. з фр., приміт. та передм. Я. І. Кравця. Львів: Каменяр, 1990. 301 с.
3. Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. СПб: Лимбус Пресс, 1999. 304 с.
4. Искюль С. Н. Вольтер. История Российской империи при Петре Великом // ВИ. 2001. № 8. С. 164-166.
5. К[ваченовский М. Т.]. История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная Вольтером. Часть первая, книжка 1-я и 2-я в типографии у А. Решетникова // Вестник Европы. Ч. 48. № 21. 1809. С. 61-68.
6. Костьшин Д. Н. Из истории издания книги Вольтера о Петре Великом. Письма графа А. Г. Головкина И. И. Шувалову и Вольтеру // Исторический архив. 1993. №4. С. 187-191.
7. Ломоносов М. В. Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. Т. 6. С. 359-364.
8. Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 18-53.
9. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. 231 с.
10. Мезин С. А. Петр I и Северная война в вольтеровской «Истории Карла XII» // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1999. Вып. 3. Ч. 2. С. 147-159.
11. Січинський В. Чужинці про Україну: Вибір з описів подорожей по Україні та інших писань чужинців про Україну за десять століть. К.: Довіра, 1992. 256 с.
12. Соловьев Д. Послесловие переводчика // Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. СПб: Лимбус Пресс, 1999. С. 261-265.
13. Guillaume Le Vasseur de Beauplan. *Description d'Ukraine*. Introduction et notes de Iaroslav Lebedynsky, Paris: Harmattan, 2002, 158 p.
14. Frédéric II. *Considération sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand, envoyée en 1737, à Voltaire par le prince royal de Prusse, depuis le roi Frédéric II, et auxquelles*

on a joint quelques autres pièces intéressantes, tant sur la Russie que pour servir de supplement aux différentes éditions des Oeuvres posthumes du monarque prussien, Berlin, 1791, 287 p.

15. Jablonowski J.-A. *L'Empire des Sarmates, aujourd'hui Royaume de Pologne*, Halle: Jean-Chretien Hendel, 1742, 164 p.
16. *Le Grand Dictionnaire Historique* ou le Mélange curieux de l'histoire sacré et profane, qui contient en abrégé l'histoire fabuleuse des Dieux & des Héros de l'Antiquité Payenne: les vies et les actions remarquables des Patriarches; des Juges; des Rois des Juif; des Papes; des Saints Martyrs & Confesseurs; des Pères de l'Eglise & des Docteurs Orthodoxes; des Evêques; des Cardinaux & autres Prélats célèbres; des Hérésiarques & des Schismatiques; avec leurs Principaux Dogmes; des Empereurs; des Rois; des Princes; & des grands Capitaines; des Auteurs anciens & modernes; des Philosophes; des Inventeurs des Arts, & de ceux qui se sont rendus recommandables en toute sorte de Professions, par leur Science, par leurs Ouvrage, & par quelque action éclatante; l'établissement et le progès des Ordres Religieux & Militaires; & la Vie de leurs Fondateurs; les Généalogies de plusieurs Familles illustres de France, & d'autres Pays; la Description des Empires, Royaumes, Républiques, Provinces, Villes, Isles, Montagnes, Fleuves, & autres lieux considérables de l'ancienne & nouvelle Géographie: où l'on Remarque la situation, l'étenduë & la qualité du Pays, la Religion, le Gouvernement, les Moeurs & les Coûtumes des Peuples: Où l'on voit les Dignites, les Magistratures ou Titres d'honneur: les Religions & Sectes des Chrétiens, des Juifs & des Payens: Les principaux noms des Arts & des Sciences: Les Actions publiques & solennelles: Les Jeux, les Fêtes, etc. Les Edits & les Loix, dont l'Histoire est curieuse; & autres choses, & Actions remarquables. Avec l'Histoire des Conciles généraux et particuliers sous le nom des lieux où ont été tenus. Le tout enrichi de Remarques, de dissertations & de Recherches curieuses, pour l'éclaircissement des difficultez de l'Histoire, de la Chronologie & de la Géographie. Par Mre LOUIS MORERI, Prêtre, Docteur en Théologie. XVIIIe et dernière édition. Revue, corrigée & augmentée très considérablement. Amsterdam: Chez P. Brunel, R. Wetstein, la Veuve de P. de Coup & G. Kuyper, F. l'Honoré & Fils, P. Humbert, Z. Chatelain, H. Uytwerf, F. Changuion, J. Wetstein & G. Smith, P. Mortier, & J. Catuffe; Leyden: Chez Luchtmans & C. Haak; La Haye: Chez P. Gosse, J. van Duren, J. Neaulme, A. Moetjens, G. Block, & A. van Dole; Utrecht: Chez E. Neaulme, 1740, t. 4, Lettres F-H.
17. Voltaire. *Anecdotes sur le czar Pierre le Grand. Oeuvres de Voltaire*. Avec préfaces, avertissements, notes, etc. Par M. Beuchot. Mélanges. T. III, Paris: Chez Lefèvre, Libraire, 1830, t. 39, p. 77-96.
18. Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII*. Avec des note par M. Beuchot, Paris: Chez Werdet et Lequien fils, 1829, t. 2, 548 p.
19. Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII*. Avec des note par M. Beuchot, Paris: Chez Werdet et Lequien fils, 1829, t. 4. 547 p.
20. Voltaire. *Histoire de Charles XII, roi de Suede*, Paris: De l'imprimerie et de la fonderie stereotypes de Pierre DIDOT l'ainé, et de Firmin DIDOT, 1802, 342 p.
21. Voltaire. *Oeuvres completes*, t. 24, *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. Kehl.: L'imprimerie de la société littéraire-typographique, 1784. 435 p.
22. de Staelin J. *Anecdotes originals de Pierre le Grand*. Recueillies de la conversation de diverses personnes de distinction de S. Péterbourg & de Moscou par M. de Staelin, member de l'academie imperial de S. Péterbourg. Ouvrage traduit de l'allemand. Strasbourg-Paris: Chez Jean George Treuttel, Libraire & Chez Durand, Neveu, Librairie, rue Gallande, 1787, 347 p.